

УДК 130.2:004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-356-366>

EDN: EZAYQY

Поступила: 05.07.2026

Принята: 14.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

КИНО, НЕЙРОСЕТИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ: ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАЗА К АВТОМАТИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Елесин Александр Олегович, Овчинников Даниил Русланович

(Пермь)

Статья посвящена вопросу о том, что устройство больших языковых моделей позволяет увидеть в устроенности самого языка. Отправной точкой служит тезис, который М.А. Куртов развивает на материале кино: технический аппарат, автоматизируя человеческую способность, обнажает в опыте работы с ним ее собственные условия. Если кино, согласно Куртову, автоматизировало производство образов и в опыте скуки и грёзы обнаружило границу представления, то языковая модель автоматизирует производство высказываний и в опыте слопа делает наблюдаемой границу предикации. Теоретическую рамку исследования образуют хайдеггеровское различие высказывания (Aussage) и сказа (Sage), аналитика скуки из курса 1929–1930 гг. и концепция парадоксального элемента из «Логики смысла» Ж. Делёза. На материале современных корпусных исследований генеративных текстов вводится понятие слоп-структуры — конструкции, выбор которой определяется статистической формой корпуса, а не выражаемым смыслом. Показано, что слоп является не дефектом генерации, а ее трансцендентальным, в делёзовском смысле, условием: он приводит в сообщение серию запроса и серию статистической формы, структурно соответствуя делёзовской пустой клетке. Взаимодействие с генеративным текстом описано как последовательный отказ трех измерений предложения — денотации, манифестации и сигнификации, — воспроизводящий, по Хайдеггеру, три формы скуки. В точке полного отказа язык, освобожденный от обязанности высказывать, показывает собственную топологическую устроенность. Делается вывод, что языковая модель не привносит эту устроенность в язык, а впервые дает ей техническое воплощение, открывая возможность опыта, в котором речевая активность человека проявлялась бы как ориентирование в языковой среде.

Ключевые слова: большие языковые модели, искусственный интеллект, слоп, философия техники, философия языка, Хайдеггер, Делёз, Куртов, скука, сказ, высказывание, логика смысла, кино, преодоление метафизики.

Для цитирования:

Елесин А.О., Овчинников Д.Р. Кино, нейросети и преодоление метафизики: от автоматизации образа к автоматизации высказывания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 356–366.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-356-366>. EDN: EZAYQY

CINEMA, NEURAL NETWORKS, AND THE OVERCOMING OF METAPHYSICS: FROM THE AUTOMATION OF THE IMAGE TO THE AUTOMATION OF THE UTTERANCE

Alexander O. Elesin, Daniil R. Ovchinnikov

(Perm)

The paper asks what the architecture of large language models can reveal about the structure of language itself. The point of departure is the thesis that Mikhail Kurtov develops based on the material of cinema: by automating a human capacity, in the experience of working with it, a technical apparatus lays bare the conditions of that very capacity. Whereas cinema, in Kurtov's account, automated the production of images and, through the experience of boredom and reverie, exposed the limit of representation, the language model automates the production of utterances and, in the experience of "slop," renders the limit of predication visible. The theoretical framework combines Heidegger's distinction between assertion (*Aussage*) and saying (*Sage*), his analytic of boredom from the 1929/30 lecture course, and the concept of the paradoxical element from Deleuze's *The Logic of Sense*. Drawing on recent corpus studies of machine-generated text, the study introduces the notion of the slop structure, which is a construction the selection of which is governed by the statistical form of the corpus rather than by the meaning to be expressed. The analysis demonstrates that slop is not a defect of generation but its transcendental condition in Deleuze's sense: it brings into communication the series of the prompt and the series of statistical form, structurally corresponding to Deleuze's "empty square." Interaction with generated text unfolds as a successive refusal of the three dimensions of the proposition — denotation, manifestation, and signification — reproducing the three forms of boredom in Heidegger's analytic. At the point of complete refusal, language, released from the obligation to assert, exhibits its own topological organization. The study concludes that, rather than introducing this organization into language, the language model gives it its first technical embodiment, thereby opening the possibility of an experience where human speech activity comes to light as orientation within a linguistic milieu.

Keywords: large language models, artificial intelligence, slop, philosophy of technology, philosophy of language, Heidegger, Deleuze, Kurtov, boredom, Saying (*Sage*), assertion (*Aussage*), the logic of sense, cinema, overcoming of metaphysics.

To cite:

Elesin A.O., Ovchinnikov D.R. [Cinema, neural networks, and the overcoming of metaphysics: from the automation of the image to the automation of the utterance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 356–366 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-356-366>. EDN: EZAYQY

Введение

В 2012 г. петербургский философ Михаил Куртов опубликовал работу «Между скукой и грезой», в которой через феноменологический анализ киноопыта показал, какую роль кино сыграло в преодолении картезианской метафизики [Куртов М.А., 2012]. Его главный тезис таков: кино есть первый аппарат, автоматизи-

рующий производство образов, и тем самым оно доводит метафизику представления до предела.

Опираясь на хайдеггеровскую аналитику скуки и по-става, Куртов выстраивает следующую схему. У кино есть *telos* и *ethos*, и они находятся в конфликте. *Telos* кино — развлечение, организация аффективного участия. *Ethos* — условия просмотра (темный зал, непо-

движное тело, принудительная длительность). Эти условия неизбежно производят скуку одновременно с развлечением. Развлекательное кино маскирует этот конфликт, но «скучное» кино обнажает его [Куртов М.А., 2012]. В точке максимальной скуки происходит переворот: чем отчетливее за зрелищем проступает машина, тем сильнее впечатление ирреальности, — то, что Куртов называет грезой. Греза — это опыт границы между присутствием и отсутствием, момент, когда образ, освобожденный от задачи представлять, являет самого себя [Куртов М.А., 2012]. Кино ведь есть первое визуальное искусство, которое благодаря фотографической достоверности не нуждается в подражании природе, и потому способно обнаружить сам предел представления. Если скука указывает на неразличимость зрителя и зрелища, то греза есть опыт этой границы, *объективация самой границы объективации*. И этот опыт позитивен, именно с его описания у Куртова начинается все дальнейшее смещающее движение к тому, что он называет посткантианской метафизической формацией, или современной эпистемой.

1. От объективации образа к объективности высказывания

Мы хотим развить логику Куртова дальше. На наш взгляд, объективацию можно понимать не только как объективацию представления. Сделать нечто объективным — значит не только представить его, но и ввести в порядок высказывания, в логику пропозиции, допускающей различение истинного и ложного. Куртов исчерпывающе описал первое измерение — *объективацию образа*. Второе, *объективность высказывания*, он не затрагивает, потому что кино к нему не имеет прямого доступа. Именно это различение позволяет продолжить сюжет преодоления картезианской метафизической установки посредством технического устройства, но уже на уровне языка, а не образа.

Эта вторая, языковая линия тоже обнаруживается у Хайдеггера. Метафизическая традиция определяет язык через высказывание, Aussage: говорить — значит предсказывать сущее, подводя его под структуру «S есть P» [Heidegger M., 1977]. Это языковое

измерение той же картезианской установки: так же, как субъект познания противостоит объекту, так и говорящий субъект приписывает свойства вещам, располагая языком как инструментом. Уже в «Бытии и времени» Хайдеггер показывает, что высказывание является производным модусом. Оно превращает вещь из того, с чем мы имеем дело, в объект с набором свойств, а герменевтическое «как» опыта подменяет апофантическим «как» суждения [Heidegger M., 1977].

Но решающий сдвиг происходит позже, в цикле «Unterwegs zur Sprache», где Хайдеггер выстраивает альтернативу предикативной модели Aussage. Он называет ее словом «Sage», что можно было бы перевести как «сказ» [Heidegger M., 1985a]. Сказ в противоположность высказыванию о чем-то является простым показыванием, Zeigen. В нем язык не приписывает свойства вещам, а впервые открывает пространство, в котором вещи могут являться и скрываться. Хайдеггер описывает это пространство как область, Bezirk, устроенную по логике путей и близости. Сказ прокладывает пути, по которым вещи приходят к присутствию. Внутренним измерением этой области является то, что Хайдеггер называет различием, Unter-Schied [Heidegger M., 1985b]. Его не следует понимать как логическую операцию различения, скорее, это то пространство между миром и вещью, в котором они впервые обретают близость друг к другу. Утверждение автономности, самодвижности языка в знаменитой формулировке «die Sprache spricht», «язык говорит» означает поэтому следующее: язык — это не инструмент, которым располагает субъект, он есть та область, которая сама собирает вещи в их присутствие и в которую говорящий уже впущен как принадлежащий ей. Перед нами преодоление картезианской метафизики на уровне языка. Субъект больше не противостоит языку как инструменту, он принадлежит ему как области, в которой вещи и мир впервые обретают дистанцию или, иными словами, свою топологическую устроенность.

Однако Хайдеггер мыслит этот топологический поворот исключительно через поэзию. Техника для него остается нигилистической, по-став заслоняет poiesis и скрадывает раскры-

тие потаенного [Heidegger M., 2000]. Между тем Куртов на примере кино уже показал, что это не так, *techné* и *poiesis* способны к взаимобращению [Куртов М.А., 2012]. Именно техническая машина кино, доведенная до своего предела в скуке, порождает грезу — опыт, в котором *techné* и *poiesis* оказываются неразрывны. Для образа такое технико-поэтическое решение существует, но для языка его еще не было.

Возможно, как раз большая языковая модель создает условия для такого решения, поскольку она есть первый аппарат, производящий высказывания без говорящего субъекта. В критической литературе это свойство фиксируется, как правило, негативно. Модель описывается как «стохастический попугай», лишь вероятностно сшивающий последовательности языковых единиц, без прямого доступа к их значению [Bender E.M. et al., 2021]. Мы предлагаем взглянуть на то же самое свойство иначе. Если высказывание производится без говорящего субъекта, то в каком-то смысле источником речи оказывается сам язык — текстовый корпус, приведенный в производящее движение. Хайдеггеровское «*die Sprache spricht*» получает здесь неожиданную техническую реализацию.

Разумеется, эту реализацию не следует понимать как тождество. Sage принадлежит области фундаментальной онтологии, тогда как авторегрессионное предсказание является технической процедурой. Перед нами разные порядки описания, и прямой перенос понятий из одного в другой был бы категориальной подменой. Речь идет о структурном соответствии. Единицы языка для нейросети расположены в пространствах близости [Vaswani A. et al., 2017], и предсказание следующего элемента представляет собой навигацию по смежности, а не логический вывод из посылок. Устройство машины оказывается близким той топологической устроенности языка, которую Хайдеггер противопоставил предикативной модели.

Само по себе такое соответствие пока ничего не доказывает, но дает указание для дальнейшего разбирательства. Спрашивать, является ли нейросеть воплощением Sage, значило бы совершить ту самую категориальную подмену, от которой мы предостерегли ранее. Продукти-

вен вопрос куртовского образца, а именно как аппарат, автоматизирующий производство высказываний, организует опыт работы с собой, и содержит ли этот опыт точку переворота, подобную той, в которой киносудка оборачивалась грезой. Вместе с вопросом наследуется и инструментарий ответа. Им служит общая схема, выстроенная Куртовым для аналитики киноопыта, — движение от конфликта между целью аппарата и условиями его работы к феномену, в котором этот конфликт становится наблюдаемым. Есть основания полагать, что нейросетевой аппарат обладает собственной формой такого конфликта, точками, в которых машина языка проступает сквозь язык машины.

2. Слоп как структурная неизбежность

Эти точки доступны наблюдению. В 2025 г. словарь Merriam-Webster выбрал словом года термин Slop — «цифровой контент низкого качества, обычно производимый в больших количествах с помощью искусственного интеллекта» [Slop, 2025]. Мы предлагаем использовать его для обозначения конкретных конструкций, в которых конфликт между языком машины и машиной языка становится зримым. Для удобства мы будем называть их слоп-структурами.

Начиная с 2023 г. в лингвистике, компьютерных науках и философии формируется обширный корпус исследований, посвященных характерным особенностям генеративных текстов. С опорой на них мы можем сказать, что слоп-структуры обнаруживаются на всех уровнях языковой организации:

- на лексическом уровне модели тяготеют к «безопасным» словам высокого регистра, не несущим конкретного содержания. Например, ChatGPT использует такие слова, как *tapestry* (полотно) и *intricate* (замысловатый), в сто раз чаще, чем люди [Reinhart A. et al., 2025];

- на морфологическом уровне наблюдается перевес существительных при нехватке местоимений и вспомогательных глаголов [Reinhart A. et al., 2025];

- на синтаксическом — длинные зависимые цепочки и единообразная длина предложений [Terčon L., 2025];

- на дискурсивном уровне появляется целый набор характерных паттернов: низкая инфор-

мационная плотность, утверждения, уместные почти в любом контексте, а также тональные сбои вроде избыточной формальности [Shaib C. et al., 2025].

Однако что же объединяет лексическое перепроизводство, синтаксическое единообразие и низкую информационную плотность как одно явление? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к самому механизму порождения текста. Работа языковой модели при генерации описывается авторегрессионной формулой. На каждом шаге модель вычисляет вероятность следующего элемента последовательности при условии всех предшествующих. Эта последовательность включает и системные инструкции, и запрос пользователя, и уже порожденные фрагменты ответа — для модели все это единый контекст, в котором различие между «чужим» и «своим» словом снято. Модель оптимизирована на предсказание наиболее вероятного продолжения и поэтому системно тяготеет к наиболее высокочастотным паттернам — конструкциям, которые обеспечивают гладкий переход от одного локального максимума к другому.

Разберем на конкретном примере. Допустим, пользователь спрашивает: «В чем разница между стоицизмом и эпикурейством?». Цель — дать осмысленный ответ. Но сначала модели нужно занять стартовую позицию. И вот как это делает, в нашем случае, ChatGPT:

«Это отличный вопрос! Стоицизм и эпикурейство — две ключевые философские школы античности, которые по-разному подходили к вопросу о счастье. Давайте разберемся в их основных отличиях».

Взглянем пристальнее на ее «составные» части.

— «Отличный вопрос» — это продукт настройки. Модель обучена, что «хороший ответ» начинается с валидации.

— «Ключевые» — слоп-структура лексического уровня. Слово не добавляет информации, но имеет высокую вероятность в этой позиции.

— «По-разному подходили к вопросу о» — синтаксический шаблон, который может предшествовать чему угодно. Модель еще не «решила», в чем именно разница, но уже создала условия для гладкого продолжения.

— «Давайте разберемся» — дискурсивная «разгонная полоса», из которой статистически легко начать генерировать новые пункты.

Каждый из этих ходов оптимален с точки зрения генерации и субоптимален с точки зрения ответа. Можно сказать, что под предлогом ответа модель повествует о своей возможности к нему.

Таким образом, слоп-структуру можно определить как конструкцию, выбор которой продиктован статистической формой корпуса, а не выражаемым смыслом. В порождаемом тексте ей соответствуют те шаги генерации, где содержание возникает из формы, а не наоборот. Здесь необходимо сделать одно разграничение. Слоп как явление — это структурная неизбежность авторегрессионной архитектуры. Любая модель, оптимизированная на предсказание наиболее вероятного продолжения, будет тяготеть к сглаживанию. Корпусные данные подтверждают, что лексическая деформация привносится именно этапом instruction tuning, а не базовым обучением [Reinhart A. et al., 2025]. Базовые модели без файнтюнинга демонстрируют словоупотребление, более близкое к человеческому. Но сглаживание в другом виде сохраняется и у них.

Предложенное описание позволяет отграничить слоп от смежных понятий теории коммуникации, прежде всего от шума. В классической схеме Шеннона шум есть внешняя помеха, воздействующая на сигнал в канале, и потому противостоящая сообщению; средством борьбы с ним служит избыточность кода [Shannon C.E., 1948]. Слоп же не приходит извне и не искажает передаваемое, а производится тем же механизмом, что и осмысленный ответ. Эффекты шума поддаются сколь угодно полному подавлению за счет избыточного кодирования, тогда как слоп неустраним без отмены самой генерации. К тому же шум и слоп разнонаправлены по своему эффекту — помеха увеличивает неопределенность сообщения, а слоп систематически ее снижает. Ближе к слопу стоит понятие избыточности, однако и оно не сливается с ним полностью. Избыточность функциональна по отношению к передаче, она защищает сообщение от помех; слоп возникает

как эффект оптимизации и обеспечивает не доставку смысла, а связность порождения.

Теперь вернемся к параллели с кинематографом. В кино условия порождения и являющийся в них образ принадлежат разным регистрам (зал физичен, образ — нет), поэтому раздор между ними переживается как разрыв. Зритель чувствует скуку и выпадает из фильма. В нейросети же условия порождения языковые, слоп-структуры сделаны из того же материала, что и осмысленный ответ. Машина языка проступает сквозь язык машины, но проступает на самом языке, и граница между формой и содержанием оказывается принципиально размытой.

По этой же причине раздор переживается здесь иначе — не как разрыв, а как складка между человеком и машиной, которая от промпта к промпту усложняется, приобретая все более запутанную геометрию. В отличие от кинозрителя, пользователь нейросети активно вовлечен в производство, только не визуальных образов, а образов значений. Для порождения ответа LLM необходим трансплантированный участок текста (буквально подсказка), из которого она может начать свое движение. Направление движения и его характер при этом оказываются одним и тем же. В этом уникальность положения оператора LLM: он получает «ответ», но в строгом смысле ему никто не отвечает. Ответ приходит с той же стороны, что и вопрос.

На примере набранного фрагмента текста машина демонстрирует заключенную в нем способность языка к разворачиванию — и демонстрирует опять-таки в виде текста. До появления LLM этот процесс не мог материализоваться в речи, т. к. всегда предшествовал ей в мышлении. Поэтому *telos* нейросетевого аппарата — это именно «осмысленный» ответ. Пользователь желает получить не пассивную поисковую сводку и не эхо собственного запроса, а нечто соразмерное мысли. Нейросетевой коррелят куртовской скуки развивается из перепроизводства токенов, потраченных на создание видимости коммуникации. Генеративная машина устроена так, что не может оборвать собственное движение, любое продолжение должно быть обеспечено, любой стык —

сглажен. Сlop и есть след этого избегания разрыва — речевой избыток, вырабатываемый в точках наименьшего сопротивления, т. е. на тех шагах генерации, где выбор определяется статистической формой корпуса.

3. От перепроизводства речи к пространству языка

Однако картина, в которой генерация лишь следует точкам наименьшего сопротивления, может создать впечатление, что машинный текст просто отказывает в осмысленном ответе. Тем не менее этот отказ не является абсолютным. Как и скука в аналитике Куртова, слоп обладает внутренним объемом. Скука не отрицает киноопыт, она образует континуум, внутри которого совершается переход к грезде. Аналогичным образом взаимодействие со слопом представляет собой не мгновенную отмену текста, а смещающее движение, своего рода воронку с последовательно сужающимися витками. Чтобы описать ее динамику, необходимо вернуться к механизму порождения текста и уточнить, между чем и чем возникает слоп.

В генерации сообщаются две разнородные серии — то, что выше мы обозначили как *telos* и *ethos* нейросетевого аппарата. Первую образует промпт, т. е. запрос вместе с ожидаемым осмысленным ответом; она организована содержательно и определяет, что должно быть сказано. Вторую образует статистическая форма корпуса; она организована топологически и определяет пути наименьшего сопротивления для генерации.

Такая конструкция подробно описана в «Логике смысла» Жиля Делёза [Делёз Ж., 2020]. Смысл, по Делёзу, производится на границе двух гетерогенных серий, которые приводятся в сообщение особым элементом, названным им парадоксальным элементом, или пустой клеткой [Делёз Ж., 1998; Делёз Ж., 2020]. Этот элемент одновременно выступает избытком в одной серии и нехваткой — в другой и никогда не совпадает с собственным местом. Сlop-структура в точности воспроизводит это устройство. Она сверхчастотна в серии формы и пуста в серии смысла; статистически она всегда уместна, семантически — никогда не на месте. Тем самым проясняется введенное выше

понятие: выбор, определяемый формой, а не смыслом, и означает избыток элемента в одной серии при его нехватке в другой. Однако отличие от делёзовской конструкции состоит в направлении работы. Пустая клетка у Делёза производит смысл, утверждая расхождение серий, тогда как предсказание следующего элемента стягивает серии к схождению, к наиболее ожидаемому продолжению.

Из этого следует, что слоп является не дефектом генерации, а ее трансцендентальным условием. Без движения по точкам наименьшего сопротивления серии промпта и формы не были бы приведены в сообщение, и ответ не состоялся бы вовсе.

Именно такая устроенность порождающего элемента и разворачивается при взаимодействии с машинным текстом (в том самом усложнении складки, упомянутом выше) в последовательность отказов. Эта последовательность воспроизводит три классических измерения предложения, с разбора которых начинается «Логика смысла» [Делёз Ж., 2020], и одновременно структурно повторяет три формы скуки из хайдеггеровского курса 1929–1930 гг., на которых Куртов строит свою аналитику киноопыта [Куртов М.А., 2012; Heidegger M., 1983].

Первый виток — отказ денотации. Слоп-структура занимает место указания, не указывая. Она стоит там, где должно происходить различение, но различение не происходит. На этой ступени сбой воспринимается как локальный дефект конкретного текста, как «вода», и ему соответствует первая форма скуки — скука от чего-то определенного.

Второй виток — отказ манифестации. Дальнейшее чтение обнаруживает, что сбой нельзя локализовать. Этому способствуют два свойства слоп-структуры. Во-первых, она серийна, т. е. повторяется индустриально и тождественно поперек всех текстов, и потому узнавание структуры как структуры упраздняет стоящего за ней манифестанта. Во-вторых, она одноматериальна: отсутствие говорящего невозможно ограничить отдельным участком текста, и потому подозрение в безличности распространяется по всей поверхности речи. То, что феноменологически было дано с самого начала (от-

вет, приходящий с той же стороны, что и вопрос), обнаруживает здесь свой структурный исток. Внешними симптомами такой неограничиваемости выступают современные инструменты выявления сгенерированных текстов и ритуалы удостоверения авторства. Причем даже технические детекторы, как было показано, не обеспечивают надежного различения человеческого и машинного текста [Sadasivan et al., 2025]. На этом этапе возникает вторая форма скуки — скука уже не от текста, а от самой ситуации чтения.

Третий виток — отказ сигнификации. После отказа первых двух измерений остается третье, которое отвечает за логическую связность текста. Сигнификация обеспечивает то, что термины сохраняют свое значение на протяжении рассуждения, что из посылок следуют выводы, что предложения сцепляются друг с другом. В генеративном тексте эта механика исправна. Однако работает все это вхолостую, потому что оба конца логической связи пусты. Понятия, которыми оперирует текст, ни на что не указывают, а выводы, которые он делает, никто не утверждает. Остается чистая форма суждения, действующая в отсутствие судящего и обозначаемого. Безличному «es ist einem langweilig» глубинной скуки [Heidegger M., 1983] здесь отвечает столь же безличное «оно говорит».

Однако именно в точке холостой сигнификации обнаруживается парадокс, на котором держится вся дальнейшая динамика, — текст все еще читается. Нечто продолжает настаивать себя связным и последовательным образом в этой речи. Если бы предложение исчерпывалось тремя своими измерениями, после их последовательного отказа не должно было остаться ничего. То, что остается, — это делёзовское четвертое измерение, смысл, впервые данный в технически дистиллированном виде. Не то, что сказано, не тот, кто сказал, и не то, что из сказанного следует, а само движение сказывания. Трансцендентальный аргумент первых серий «Логики смысла» [Делёз Ж., 2020] становится здесь проходимым опытом.

Момент, в который отказ оборачивается указанием, имеет у Куртова четкое обозначение. Вслед за Хайдеггером он называет вершину глубинной скуки мгновением ока,

Augenblick [Куртов М.А., 2012; Heidegger M., 1983]. В этом мгновении сущее, отказывающее себя в целом, впервые указывает на условия собственной возможности. У нейросетевой воронки есть свое «мгновение ока». В точке, где все три измерения предложения отказали, язык, освобожденный от обязанности высказывать, начинает показывать собственное пространственное устройство — навигацию по смежности. То, что прежде читалось как мусорные элементы, как разгоны, переходы и закругления, оказывается единственным содержанием такого чтения — следами прокладывания пути по рельефу языка. Это и есть языковой коррелят куртовской грезы. Перефразируя тезис Куртова: скука возникает в опыте неразличимости речи и говорящего, греза же есть опыт этой границы. Как кино в точке скуки перестает представлять и обнаруживает границу представления, так генеративная машина в точке слопа перестает означать и обнаруживает язык как область, устроенную по логике путей и близости.

Заключение

Однако встает вопрос: является ли эта пространственная устроенность следствием нейросетевой архитектуры, или благодаря ей она впервые стала отчетливо видима? Здесь уместна параллель с тем, как Делёз определял отношение киноаппарата к материи. В начале «Кино 1» он приводит мысль Бергсона о том, что фотография, если она вообще есть, уже сделана и уже проявлена в самой сердцевине вещей [Бергсон А., 1992; Делёз Ж., 2004]. Материальный универсум сам по себе представляет совокупность световых образов во всеобщем взаимодействии, и в этом смысле Делёз называет его метакино [Делёз Ж., 2004]. Киноаппарат только технически схватывает то производство движущихся световых срезов, которым материя занималась всегда, и впервые превращает его в воспроизводимый опыт. Аналогичным образом языковая модель не привносит в язык навигацию по смежности. Язык уже был областью близостей и путей, а всякое движение в нем уже было прокладыванием маршрута по этому рельефу. Модель дает этой устроенности техническое воплощение и тем самым впервые

делает ее наблюдаемой. Поскольку же говорящий не располагает языком извне, а движется внутри той же области, увиденное в техническом объекте может ретроактивно прояснить и его собственную речевую активность. Аппарат открывает возможность опыта, в котором речь давалась бы говорящему не как производство суждений о положениях вещей, а как ориентирование в среде, которая до появления аппарата не была видна именно как среда.

Из этого не следует, однако, что в человеческой речи нужно искать собственный слоп, общие места, клише и тому подобное. Слоп конституирован тиражом, индустриальной сверхчастотностью, аналога которой нет для говорения или письма. Общим для двух режимов является само наличие топологизирующих элементов — образований, благодаря которым текст распознается как среда с собственной пространственной устроенностью, требующей ориентации. В генеративном тексте это место занимает слоп, в человеческой речи — элемент иного порядка.

Самый известный пример такого элемента — кэрролловский Снарк, подробно разобранный Делёзом в «Логике смысла». Это загадочное слово присутствует в тексте, но его значение нигде не стабилизируется, и именно это несовпадение с собственным местом заставляет текст организовываться вокруг него [Делёз Ж., 2020]. Сходную активность знака, с другой стороны, фиксирует Деррида. Термином различие (*différance*) он именует движение отсрочки и отличия, в котором знак систематически отстает от самого себя и потому никогда не дается в полноте присутствия [Деррида Ж., 2012].

Проявляться этот элемент может на разных уровнях языковой организации: на субсемантическом — как морфологическое расщепление, на семантическом — как бессмысленное слово или парадоксальное смысловое образование, на сверхсемантическом — как перформативный жест, в котором сказанное подрывает условия собственного произнесения. Во всех перечисленных случаях элемент держит серии формы и смысла разомкнутыми. Место, которое он занимает, оказывается не ординарной точкой наименьшего сопротивления, как в случае

нейросети, а сингулярной точкой избытка смысла. Различие между двумя режимами языковой активности оказывается тем самым различием двух режимов работы элемента-навигатора, ординарного и сингулярного, а не границей между несоизмеримыми мирами «человека» и «машины».

Прозрачная для самой себя работа с такими топологизирующими элементами до сих пор оставалась достоянием плотных языковых сред. Ею занимались поэзия и философия, т. е. практики, в которых пространство языковой активности долго и целенаправленно культивировалось. Во второй половине XX в. эта работа достигла предельной интенсивности, например, у Бланшо, Беккета, Деррида, в лингвистической поэзии, в традициях письма, сделавших язык собственным предметом.

Теперь доступ к этому опыту поставляется аппаратом и открыт за пределами тех редких практик, где он прежде добывался. В этом смысле давняя мечта об автоматизации письма сбылась, но с обратным знаком. Автоматизация не освободила пишущего от языка, а отняла у него последнюю возможность языка не замечать. Куртов завершает свою аналитику условием: чтобы вернуть в кино грезу, зритель должен перестать бояться скуки. Условие нового языкового опыта симметрично. Оператору LLM предстоит перестать относиться к слоупу лишь как к производственному браку.

Список литературы

- Бергсон А. Материя и память // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / пер. с фр. М.: Московский клуб, 1992. С. 160–316.
- Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с. EDN: TCNXLB
- Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
- Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2020. 472 с.
- Деррида Ж. Различае <Différance> // Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. С. 32–51.
- Куртов М.А. Между скукой и грезой. Аналитика киноопыта. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2012. 158 с.
- Bender E.M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21). New York: ACM, 2021. P. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>
- Heidegger M. Sein und Zeit. Frankfurt am Main: Klostermann, 1977. 583 s.
- Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit. Frankfurt am Main: Klostermann, 1983. 544 s.
- Heidegger M. Der Weg zur Sprache // Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main: Klostermann, 1985a. S. 227–258.
- Heidegger M. Die Sprache // Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main: Klostermann, 1985b. S. 7–31.
- Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze (Gesamtausgabe, Bd. 7). Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. S. 5–36.
- Reinhart A., Markey B., Laudénbach M., Pantusen K., Yurko R., Weinberg G., Brown D.W. Do LLMs Write Like Humans? Variation in Grammatical and Rhetorical Styles // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122, № 8. Art. e2422455122. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2422455122> EDN: GQRXHE
- Sadasivan V.S., Kumar A., Balasubramanian S., Wang W., Feizi S. Can AI-Generated Text be Reliably Detected? Stress Testing AI Text Detectors Under Various Attacks // Transactions on Machine Learning Research. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://openreview.net/forum?id=OOgsAZdFOt> (дата обращения: 11.08.2026).
- Shaib C., Chakrabarty T., Garcia-Olano D., Wallace B.C. Measuring AI “Slop” in Text // arXiv preprint. 2025. arXiv: 2509.19163. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2509.19163>
- Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27, № 3. P. 379–423. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>
- Slop // Merriam-Webster Dictionary. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slop> (дата обращения: 22.02.2026).
- Terçon L. Linguistic Characteristics of AI-Generated Text: A Survey // arXiv preprint. 2025. arXiv: 2510.05136. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2510.05136>

Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser Ł., Polosukhin I. Attention Is All You Need // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2017. Vol. 30. P. 5998–6008. DOI: <https://doi.org/10.65215/r5bs2d54>

References

Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A. and Shmitchell, S. (2021). On the dangers of stochastic parrots: can language models be too big? *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21)*. New York: ACM Publ., pp. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>

Bergson, H. (1992). [Matter and memory]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Moscow: Moskovskiy klub Publ., vol. 1, pp. 160–316.

Deleuze, G. (2004). *Kino* [Cinema]. Moscow: Ad Marginem Publ., 624 p.

Deleuze, G. (2020). *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 472 p.

Deleuze, G. (1998). *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 384 p.

Derrida, J. (2012). [Différance]. *Polya filosofii* [Margins of philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., pp. 32–51.

Heidegger, M. (1983). *Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt, Endlichkeit, Einsamkeit* [The fundamental concepts of metaphysics. World, finitude, solitude]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., 544 p.

Heidegger, M. (1985). [Language]. *Unterwegs zur Sprache* [On the way to language]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., pp. 7–31.

Heidegger, M. (1977). *Sein und Zeit* [Being and time]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., 583 p.

Heidegger, M. (2000). [The question concerning technology]. *Vorträge und Aufsätze. Gesamtausgabe* [Lectures and essays. Collected works]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., pp. 5–36.

Heidegger, M. (1985). [The way to language]. *Unterwegs zur Sprache* [On the way to language]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., pp. 227–258.

Kurtov, M.A. (2012). *Mezhdru skukoy i grezoy. Analitika kinoopyta* [Between boredom and reverie. An analytics of film experience]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obschestvo Publ., 158 p.

Reinhart, A., Markey, B., Laudendach, M., Pantusen, K., Yurko, R., Weinberg, G. and Brown, D.W. (2025). Do LLMs write like humans? Variation in grammatical and rhetorical styles. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 122, no. 8, e2422455122. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2422455122>

Sadasivan, V.S., Kumar, A., Balasubramanian, S., Wang, W. and Feizi, S. (2025). Can AI-generated text be reliably detected? Stress testing AI text detectors under various attacks. *Transactions on Machine Learning Research*. Available at: <https://openreview.net/forum?id=OOgsAZdFOt> (accessed 11.08.2026).

Shaib, C., Chakrabarty, T., Garcia-Olano, D. and Wallace, B.C. (2025). Measuring AI “Slop” in text. *ArXiv preprint*. Art. 2509.19163. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2509.19163>

Shannon, C.E. (1948). A mathematical theory of communication. *The Bell System Technical Journal*. Vol. 27, no. 3, pp. 379–423; no. 4, pp. 623–656. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>

Slop (2025). Merriam-Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slop> (accessed 22.02.2026).

Terčon, L. (2025). Linguistic characteristics of AI-generated text: a survey. *ArXiv preprint*. Art. 2510.05136. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2510.05136>

Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A.N., Kaiser, Ł. and Polosukhin, I. (2017). Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 30, pp. 5998–6008. DOI: <https://doi.org/10.65215/r5bs2d54>

Об авторах

Елесин Александр Олегович
независимый исследователь

614000, г. Пермь;
e-mail: coesin5@gmail.com
ResearcherID: QPF-2448-2026

About the author

Aleksandr O. Elesin
Independent Researcher

Perm, 614000, Russia;
e-mail: coesin5@gmail.com
ResearcherID: QPF-2448-2026

Овчинников Даниил Русланович

независимый исследователь

614007, г. Пермь;

e-mail: danil.ov4innikof@gmail.com

ResearcherID: ACS-9362-2022

Daniil R. Ovchinnikov

Independent Researcher

Perm, 614007, Russia;

e-mail: danil.ov4innikof@gmail.com

ResearcherID: ACS-9362-2022